

Живи, звучи, не поминай о чуде,—
но будет день: войду в твой скромный дом,
твой смех замрёт, ты встанешь: стены, люди
всё поплывёт,—и будем мы вдвоём...

Прозреешь ты в тот миг невыразимый,
спадут с тебя, рассыплются, звеня,
стеклом поблёскивая дутым, зимы
и вёсны, прожитые без меня...

Я пламенем моих бессонниц, хладом
моих смятений творческих прильну,
взгляну в тебя—и ты ответишь взглядом
покорным и крылатым в вышину.

Твои плеча закутав в плащ шумящий,
я по небу, сквозь звёздную росу,
как через луг некошенный, дымящий,
тебя в своё бессмертье унесу...

И в Божий рай пришедшие с земли
устали, в тихом доме прилегли...

Летают на качелях серафимы
под яблонями белыми. Скрипят
верёвки золотые. Серафимы
кричат взволнованно...

А в доме спят,—
в большом, совсем обыкновенном доме,
где Бог живёт, где солнечная лень
лежит на всём; и пахнет в этом доме,
как, знаешь ли, на даче,—в первый день...

Потом проснутся; в радостной истоме
посмотрят друг на друга; в сад пройдут—
давным-давно знакомый и любимый...

О, как воздушно яблони цветут!..
О, как кричат, качаясь, серафимы!..